

Л
Ю
Т
Т
О
Л
И

СЭР ШИЛЛИНГ

ИСКУСНЫЙ ВОР ПО ПРОЗВИЩУ "СЭР ШИЛЛИНГ"
КАЖДОЕ ОГРАБЛЕНИЕ ПРЕВРАЩАЕТ В
ТЕАТРАЛЬНУЮ СЦЕНКУ

СЕРИЯ "АНГЛИЙСКИЙ ЛЮБОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН ОТ ДЮТТОЛИ

Английский любовно-исторический роман от Люттоли

Люттоли

Сэр Шиллинг

«Агаджанов Людвиг Ашотович»

Люттоли

Сэр Шиллинг / Люттоли — «Агаджанов Людвиг Ашотович»,
— (Английский любовно-исторический роман от Люттоли)

ISBN 978-5-9902297-5-4

Англия. Лондон. 1812 год. В королевском театре Друри-Лейн орудует сплочённая семья преступников. Каждое ограбление они превращают в театральные сценки. Главную роль в преступлениях отводится человеку, который чистит обувь театральной публике. Никто и предположить не может, что за внешностью скромного паренька скрывается знаменитый вор. За свои необычные таланты и привычку оставлять жертвам монету достоинством в один шиллинг, он получил в народе прозвище «Сэр Шиллинг».

ISBN 978-5-9902297-5-4

© Люттоли
© Агаджанов Людвиг Ашотович

Содержание

Вступление	6
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Люттоли Сэр Шиллинг

Немного от автора

Чем больше я узнаю Лондон 19 века, тем сильнее становится желание написать масштабную эпопею, способную в полной мере отразить всё волшебство той далёкой эпохи. Эта книга – лишь ещё один отрезок пути, ведущий к главной цели.

Вступление Лондон. Осень 1812 года

Десятого октября тысяча восемьсот двенадцатого года, в Лондоне, состоялось знаменательное событие: Королевский театр Друри-Лейн, восстановленный после страшного пожара, открывал новую эпоху в своей блистательной истории постановкой пьесы Шекспира «Гамлет» с Робертом Эллистоном в главной роли.

На Кэтрин-стрит, где и расположился главный вход в театр, олицетворяющий собой портик с тремя парными колоннами и мраморной лестницей, с раннего утра царило необычное оживление. По обеим сторонам улицы бегали мальчишки и, размахивая газетами, кричали:

– Сегодня открытие в Друри-Лейн! Роберт Эллистон в роли Гамлета! Приходите! Не пожалеете!

Здесь же бродили сразу несколько призраков Датского короля. Они стопами и мольбами провожали проезжающие кареты.

– Гамлет! Сын мой! – театрально восклицали они, протягивая руки вперёд и хватая за лицо каждого, кто движимый любопытством высовывался из окна кареты. Обычно после таких действий всегда раздавался испуганный крик или непристойная брань.

По значимости предстоящая премьера в Друри-Лейн уступала лишь одному событию – краже коллекции драгоценных изделий на сумму более двадцати тысяч фунтов у одного из богатейших людей Лондона. Сам по себе случай выглядел, бесспорно, заметным, но широкую известность он получил благодаря человеку, который уже второй год тревожил Лондон хорошо продуманными, а подчас и наглыми ограблениями. В народе его прозвали «сэр Шиллинг», за привычку оставлять на месте преступления серебряный шиллинг с двумя круглыми отверстиями. Многие предполагали, что отверстия в монете не что иное, как намёк на глаза. Таким образом, преступник сообщал, что всё видит, и придёт за вашим богатством. Полиция Лондона с ног сбилась, пытаясь отыскать дерзкого грабителя. Но безуспешно. Сэр Шиллинг всегда появлялся внезапно, и сразу после ограбления исчезал. Его находчивость, ум, дерзость, решительность вызывали у многих людей подлинное восхищение. Им восторгались, но и боялись, если для страха имелись причины в виде золота, банкнот банка Англии или прочих ценных бумаг, которые можно было продать с помощью «чёрных скупщиков».

Торговцы газетами молились на сэра Шиллинга, желали ему долгой жизни и с нетерпением ожидали каждого следующего ограбления. Их можно понять. Газеты с нарисованным шиллингом раскупались мгновенно. Спрос увеличивался по мере того, как росло количество преступлений знаменитого вора.

К слову сказать, Кэтрин-стрит, созданная усилиями четвёртого графа Бедфорда двести лет назад, успела стать одним из самых оживлённых мест Лондона. Отчасти её можно было назвать и центром культурной жизни. Именно здесь расположилось самое большое количество продавцов газет и театральных агентов. На стенах домов пестрели афиши с красочными рисунками, названиями очередного шедевра и громкими именами, такими как Ричард Кин или Джозеф Гримальди.

Продавцы птиц с клетками в руках, художники, предлагающие свои шедевры, даже врачи, считали необходимым заявить о себе именно здесь.

Отдельно стоит отметить значительное количество ресторанчиков для такой небольшой улицы, которые располагались на первых этажах домов. Постоянным атрибутом этих ресторанчиков являлись нищие и калеки, либо и те, и другие в одном лице. Как правило, они стояли недалеко от входа, встречая и провожая посетителей тоскливым взглядом, смешанным с надеждой.

Также следует упомянуть о той Лондонской части жителей, которая неизменно посещала Кэтрин-Стрит. Они представляли самые разные слои общества. Здесь нередко можно было встретить щёголя в цветастом пиджаке, который с показной нарочитостью ставил ногу на подставку перед чистильщиком обуви, и одновременно бросал самодовольную улыбку в сторону группы молодых женщин, идущих по тротуару и разглядывающих театральные афиши.

Здесь часто появлялись представители почтенных семейств, но обычно мужского пола и почти всегда без законного сопровождения. Визиты всегда начинались с кареты, запряжённой двойкой или даже четвёркой породистых лошадей, и привлекали всеобщее внимание. Такие люди за один раз могли потратить больше денег, чем целой семье удавалось заработать за целый год. Оттого их всегда ждали, и начинали обхаживать ещё до того, как они покидали карету; даже владельцы ресторанов выходили им навстречу, надеясь на солидную прибавку в выручке.

Ну, и, чтобы завершить общую картину, несколько слов о новом облике театра Друри-Лейн. Мы уже упомянули о великолепном портике с небольшой мраморной лестницей, что появился со стороны Кэтрин-стрит и служил главным входом. Колонны, на которых держался портик, располагались попарно на одинаковом расстоянии друг от друга, образуя три одинаковых прохода к каждой из дверей.

Само здание казалось совсем небольшим снаружи. Обманчивое впечатление, ибо театр Друри-Лейн без труда вмещал три тысячи зрителей. Большой зрительный зал, четыре яруса с ложами. Ещё один, самый верхний ярус – галерка, со стоячими местами, где могли наслаждаться игрой театралы, не имеющие достаточно средств, чтобы купить более комфортные места. Ресторан, где в перерывах спектакля предлагали зрителям подкрепиться. Комнаты для леди и джентльменов. И это лишь та часть, которая находилась на виду. Другая часть с театральным реквизитом, гардеробными, гримёрными и каморками для актёров, с множеством коридоров и переходов, всякими укромными местечками, всегда оставалась закрытой от любопытных взглядов посторонних. Здесь жил не только талант, но и простые человеческие чувства, такие как тщеславие и зависть.

Можно долго описывать сам театр и театральную жизнь, но мы, как и всегда, ограничимся тем, что уже было сказано. Шекспир бесспорно великолепен, но нас с вами привлекают совсем иные персонажи. Самое время познакомиться с ними поближе.

И первый из них: «Грязный чистильщик»!

Обычно такими словами называли людей, которые занимались в театрах очисткой обуви от уличной грязи. Происходило это следующим образом: зритель входил в фойе, сдавал верхнюю одежду, а потом оказывался в крохотной комнатке, которая всегда находилась сразу после гардероба. Здесь его уже ждал тот самый «грязный чистильщик». Его работа была схожа и в то же время отличалась от работы уличных чистильщиков обуви.

Такой человек сидел на низеньком табурете в некой углублённой нише. Прямо перед ним был сооружён достаточно высокий декроттуар, чтобы можно было, почти не склоняясь, видеть нижнюю часть подошвы, когда посетитель ставил на него ногу. Слева от него лежали два ящичка, один поменьше с ножами и лопаточками, другой гораздо крупнее со щётками. Справа, в специально вырезанное отверстие, был помещён широкий мешочек.

Сам процесс очистки обуви от грязи всегда выглядел одинаково: посетитель, или точнее зритель, входил и сразу ставил ногу на декроттуар. Обувь, и в первую очередь подошва, очищалась от грязи с помощью лопаточек и ножей. Потом в ход шли щётки поменьше. Далее, за дело принималась самая большая щётка. Грязь под декроттуаром сметалась в мешок. А сам мешок, после того как наполнялся, выносили и опорожняли в мусорные ящики. Всё происходило очень быстро, поскольку требовалось всего лишь убрать с обуви грязь. Это было сделать куда проще, нежели потом отмывать и очищать полы и лестницы. Именно забота о чистоте, а ещё более желание сэкономить средства, и привело к созданию такой необычной профессии. Но поскольку название «грязный чистильщик» звучало слишком грубо для английского слуха,

его заменили более приятными словами: «Джейн Месси». Именно так называли всех, мужчин и женщин, которые занимались очисткой обуви в театрах.

Вероятно, вы уже догадались, зачем мы столь подробно рассказали об этой профессии. В премьеры, которая состоялась десятого октября в театре Друри-Лейн, нас больше всего интересует... именно человек такой профессии. С него и начинается наша история.

Глава 1

Сэр Шиллинг

– Джейн Месси! Джейн Месси!

Эти два слова звучали часто, иногда нетерпеливо, иногда с пренебрежением, а порой даже с откровенным презрением, и предназначались мужчине, возраст которого не представлялось возможным определить по причине большого количества грязи на лице. Каждый раз в ответ на подобное обращение к себе, он склонял голову, и отвечал: «Благодарю вас, сэр!» или «Благодарю вас, леди!».

Справедливости ради надо сказать, что женщины пользовались услугами чистильщика крайне редко, ибо задирать ногу даже для того, чтобы просто почистить обувь считалось крайне неприличным. Такое, по общему мнению, могла себе позволить лишь легкомысленная особа или девица лёгкого поведения.

Но в день премьеры нашлись женщины, которые воспользовались услугой чистильщика.

Джейн Месси работал так быстро, как только мог, не обращая ни малейшего внимания на шум. Или, вернее, гул, который непрерывно висел в воздухе.

Уже ко второму звонку вестибюль опустел. Не осталось никого, кому бы требовалось очистить обувь. Но он оставался на месте, и поднялся лишь, когда раздался третий звонок, означающий начало спектакля.

Но далеко ему уйти не удалось. Мужчина средних лет с длинными бакенбардами и лихо закрученными усами грубо схватил его за плечо и развернул лицом к себе.

– Лонтерн. Бейлиф. Помощник шерифа! – грозно сдвинув брови, представился он.

– Полиция Лондона? Не надо меня сажать в тюрьму. Я сегодня же отдам булочнику два пенса! – испуганно пролепетал Джейн Месси.

Лонтерн рассмеялся и похлопал его по плечу.

– Не буду! Ты мне нравишься. Настолько нравишься, что я собираюсь поручить тебе важное дело. Знаешь, что такое важное дело? Это когда ты что-то делаешь и рассказываешь только мне. Понятно? – уловив кивок, Лонтерн понизил голос. – Получишь целых десять фунтов, если сможешь поймать одного преступника. Ему около сорока лет. Он маленького роста и очень хитрый. Этот человек обязательно сюда придёт. Следи за всеми. Если увидишь кого похожего на него, немедленно дай мне знать, – Лонтерн продиктовал адрес. – Запомнишь? – снова последовал кивок. – Это хорошо, что ты мало разговариваешь. Держи язык за зубами, и не забывай о нашем важном деле. – Отследив очередной кивок, он ушёл, довольный собой и состоявшимся разговором.

А Джейн Месси прошёл в коридор, ведущий в закрытую часть театра, и вскоре открыл дверь в маленькую каморку, заваленную всяким скарбом. Свободным оставалось лишь небольшое пространство с полуразвалившимся столом. На нём стоял таз, наполненный водой. Над тазом висело круглое зеркало в поблёкшей бронзовой оправе. Он подошёл к столу и начал неторопливо умываться. Грязь с лица сходила, постепенно отражая в зеркале мягкие черты лица с озорным взглядом молодого человека лет двадцати двух.

– Сорок лет?! Маленький и хитрый?! Откуда он это взял? – весело пробормотал под нос Шилли. Именно так его все называли в театре. Шилли Кетни. И это был тот самый вор, известный под именем «сэр Шиллинг».

Для чего знаменитому вору понадобилась столь неприятная работа в театре? Всё очень просто. Она помогала ему выбирать жертву. Каждый, кто входил к нему и требовал очистить обувь, мог в скором времени лишиться своего имущества. Однако, при всех своих талантах, Шилли, не смог бы в одиночку осуществлять свои дерзкие планы. Главным помощником в

преступлениях являлось...большое зеркало. Оно висело в фойе на противоположной стене и позволяло очень чётко видеть всё, что происходило в гардеробной.

Вы наверняка подумали о таких вещах, как кража пальто или шуб вместе с содержимым в карманах. Но нет. Подобные мелочи не привлекали нашего героя. Кроме того, он и не помышлял грабить в самом театре. Всё происходило несколько иначе. Зеркало исполняло роль некоего посредника между тремя сообщниками. В гардеробной работали мать и сестра Шилли: мама – полная женщина пятидесяти лет, с короткими руками, низко посаженной головой и жабыими глазами, отчего, видимо, и получила прозвище «Мама Жантан». Она обладала весьма непростым характером, и могла без раздумий пустить в ход руки, если по её мнению, один из троих детей не относился с достаточным уважением к семье, которую олицетворяла она сама.

Сестра Лотри, привлекательная невысокая девушка с копной чёрных волос двадцати одного года, вторая по старшинству среди детей. Она была на год младше Шилли и являлась самой верной его помощницей. Лотри не сумела стать актрисой, поскольку не обладала талантом перевоплощения, но это неудача несколько не помешала ей создавать поистине настоящие шедевры в части, касающейся перевоплощения других людей. Ещё в детстве, она с лёгкостью превращала куклу девочки – в солдатика с ружьём. И он выглядел почти так же естественно, как и живой оригинал. Никто в театре даже не подозревал, что те три мастера грима, которые работали в Друри-Лейн, даже в подмётки не годились этой скромной девушке, которая застенчиво улыбаясь, принимала и подавала одежду в гардеробной. Но это не значит, что её таланты оставались не востребованными. Ими с полнотой пользовался Шилли. Именно Лотри помогала ему оставаться неуловимым. Перед каждым ограблением она придавала ему образ, способный так или иначе сделать его неузнаваемым и даже частично обеспечить благополучный исход преступления.

Так вот, вернемся к схеме преступления: Лотри и Мама Жантан через зеркало подавали определённые знаки, привлекая внимание Шилли. Если очередная жертва вызывала интерес и со стороны Шилли, он подавал ответный знак, взъерошивая волосы. После чего вслед за жертвой отправлялся четвёртый сообщник и самый младший член семейства. Это был неприметный на вид и сообразительный не по годам мальчик десяти лет по прозвищу Джонни Мышонок.

Джонни Мышонок всегда находился рядом и внимательно следил за всем, что происходило в гардеробной и комнатке, в которой работал Шилли. В его задачу входило следить за будущей жертвой и подслушивать разговоры вплоть до того времени, пока она не покинет театр. Дальше в дело вступал сам Шилли. Награбленное всегда передавалось маме Жантан, но все члены семьи Кетни знали, где она его прячет.

Каждый из четверых или, вернее, пятерых, поскольку существовал ещё отец семейства по имени Ягр, точно знал свою роль. Схема преступлений была создана ещё во времена работы в театре Ковент-Гарден. Они бы и оставались там, если бы их не пригласил директор Друри-Лейн. Семья сочла полезным изменить место «работы». Что было совсем не лишней предосторожностью, учитывая неослабный интерес к ним со стороны полиции.

Как именно действовала эта «пятёрка», мы расскажем очень подробно. Сейчас же добавим важную деталь. Это была не просто шайка преступников, а крепкая сплочённая семья.

Глава 2

Важное дело

В двух с половиной милях к северо-востоку от Друри-Лейн пролегла улица Никол, на которой и проживало всё семейство Кетни.

Скорее даже это была не улица, а маленький город с мастерскими и мастерскими, который растянулся на несколько миль, и включал в себя целые кварталы бедных жилищ, поразительным образом умудрившихся разместиться среди множества хитросплетённых улочек и переулков. Особенно выделялась северная часть, широко известная как «Окна ткачей». Название вполне понятное, учитывая, что в той части жили и работали ткачи – преимущественно эмигранты из Франции.

Именно в этом городке производились зеркала, стулья, кушетки и даже игрушки. Кузницы и конюшни тоже были не редкостью в этих местах.

Все эти особенности улицы Никол в полной мере присутствовали в доме семьи Кетни: шесть комнат, огромный двор с конюшней, кузницей и столярной мастерской. Выбор на него пал не случайно. Во-первых, у дома имелось два выхода. Задняя дверь вела на маленькую улочку. А там начинались такие замысловатые переулки, что даже местные жители порой не могли разобраться, где находится их собственный дом. В особенности, вечером. Кроме того, существовал ещё один выход на крышу. Оттуда вполне можно было перебраться и на другие крыши в случае необходимости, чтобы уйти от полицейской погони или иных охотников до наград. А ведь существовал ещё один выход с воротами из конюшни, на ту же самую улочку. Там всегда держали наготове два двухместных кэба и четыре лошади. Ещё две кареты сплошного чёрного цвета, без единой отличительной детали, стояли во дворе. Кареты использовались для ограблений. Кэбы же могли использоваться как для ограблений, так и для бегства в случае возникновения такой необходимости. Кузница и столярная мастерская служили лишь для видимости. Там работал Ягр, отец семейства. Стоит ещё упомянуть о маленьком домике с лодкой, который они держали в качестве убежища на берегу Темзы.

Ну, а теперь пора вернуться к Шилли. Он в это самое время подошёл к воротам, на которых красовалась вывеска «кузница Ягра Кетни». Ворота окружала плотная деревянная изгородь высотой в полтора человеческих роста. Шилли прошёл ворота и, по привычке оглянувшись по сторонам, открыл калитку и вошёл во двор своего дома.

Дверь кузницы была открыта настежь. Внутри то и дело взлетали искры. Шилли застал отца за работой. Ягр, высокий мужчина могучего телосложения и с ручищами, в которых даже молот, выглядел как обычный молоток, бил по узкой раскалённой пластине.

Шилли заинтересовался.

– Что ты делаешь?

– Скобы для раздвижной лестницы, – Ягр положил молот на стол и вытер пот со лба тыльной стороной ладони.

– Зачем? И старые отлично держат.

– Хочу сделать лестницу полегче. И дерево подобрал. А ты чего так рано? Дело есть?! – догадался Ягр, заметив многозначительную улыбку, внезапно возникшую на губах сына.

– Сегодня приходил Лонтерн. Разговаривал со мной. И даже адрес свой оставил.

– Ублюдок паршивый! – Ягр погрозил своим огромным кулаком кому-то невидимому. – Никак не угомонится.

– Вот и мне кажется, что настала пора преподать ему небольшой урок.

Ягр сразу заинтересовался.

– И что мы с ним сделаем?

– Наведаемся в гости. Хочу поговорить... наедине.

– Я бы тоже не отказался перекинуться с ним парой словечек. Подождём Лотри, а ночью поедем.

– Лотри нам не понадобится. Достаточно будет обычных масок. А поедем мы прямо сейчас, пока ещё светло. Ехать не близко, да и надо бы хорошо осмотреться на месте. Как-никак помощник шерифа.

– Что с собой возьмём?

– Верёвку, кляп, раздвижную лестницу и тот маленький ящичек с отмычками. Я ещё возьму с собой два пистолета, а ты бери дубинку.

– А зачем? – удивился Ягр. – Если что, уложу так, что он и свистнуть не успеет.

Ровно через час, когда на небе сгущались сумерки, они переоделись, прихватили с собой инструменты, и выехали из ворот в одной из чёрных карет. Ягр сидел на козлах и управлял лошадьми. Он был одет в точности как кучер. Широкополюй плащ с высоким воротником и цилиндр. Шилли находился внутри кареты и перебирал отмычки в ящичке. Обычно он пользовался только двумя, и только в более сложных случаях использовал дополнительные инструменты для вскрытия замков. Справа на сиденье лежала чёрная маска с контурами мужского лица.

Около восьми часов вечера, когда уже совсем стемнело, карета проехала по хорошо освещённой улице и остановилась возле длинного трёхэтажного дома с тремя входными дверями. Шилли слегка откинул край занавеси со стороны улицы, и некоторое время следил за проезжающими каретами. Частота их появления внушала беспокойство. Да и прохожих было немало. Чуть позже он передвинулся к противоположному окну. Такие дома встречались довольно часто. Он хорошо знал, как они устроены. На каждой лестничной площадке по две квартиры, справа и слева. Подвал и чердак. Да ещё каменный дымоход выходящий прямоком на крышу.

Судя по адресу, ему была нужна самая правая, крайняя дверь, и два окна на третьем этаже, в которых мерцал слабый огонёк. Именно на них он и сосредоточил своё внимание. Прошло несколько минут, но они оставались плотно прикрытыми и ничего не происходило. Потом за одним из них мелькнула женская тень. Судя по всему, это была жена Лонтерна. Шилли и не сомневался, что у него есть семья.

Вначале, он хотел дождаться ночи, но потом передумал. Этому делу следовало придать больше шума. Поразмыслив, он решил попросту войти к нему домой, и прямо там с ним поговорить. Он надел на лицо маску, глубоко надвинул на лоб шляпу, закутался в плащ и, выскользнув из кареты, не оглядываясь, направился к нужной двери.

Ягр не сводил с него взгляда вплоть до того самого момента, пока Шилли не исчез за дверью. Потом он начал тщательно оглядываться по сторонам, и в этот момент заметил знакомую фигура с закрученными усами. Это был Лонтерн. Он возвращался домой.

Не обращая внимания на женщину с маленькой девочкой, которая шла по тротуару в его сторону, Ягр слез с козел. В тот миг, когда Лонтерн потянулся к ручке, Ягр схватил его за шиворот, оттянул назад, а потом с силой ударил об дверь. Лонтерн охнул и стал валиться на бок. Удерживая его за шиворот, Ягр слегка поклонился той самой женщине с ребёнком, которая стала свидетельницей его поступка, и в данный момент жалась у стены и смотрела на него испуганными глазами.

– Вор! – коротко изрёк Ягр, два раза свистнул и добавил: – Мы с напарником давно за ним следили. Можете быть спокойны, он больше вас не беспокоит.

Ягр приподнял Лонтерна за шиворот, поволок за собой, а потом открыл дверцу и запихнул его в карету. В этот самый миг из двери вышел Шилли. Свист был условный и призывал срочно вернуться. Завидев торчащие ноги, он втиснул их внутрь, сел и закрыл за собой дверцу. Ягр уже успел сесть на козлы. Карета тронулась с места и стала быстро набирать ход.

Как ни странно, женщина поверила словам Ягра. В этом районе давно орудовала шайка разбойников, которые грабили дома. Да они были повсюду в Лондоне. Она могла только радоваться, что на одного стало меньше. На это происшествие никто кроме неё не обратил внимание.

Тем временем, Шилли связал руки Лонтерна за спиной, потом и ноги связал. Но кляпом рот затыкать не стал, чтобы не лишать себя предстоящего удовольствия.

Спустя четверть часа, карета заехала в тёмный переулок и остановилась. Лонтерн начал шевелиться и подавать признаки жизни. Шилли вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. Ягр сошёл с козел и подошёл к нему.

– Разыграем, как того торгаша! – шепнул Шилли на ухо отцу. Тот понятливо кивнул.

– Что будем с ним делать? – придав голосу грубую интонацию, спросил Шилли.

– Сделаем, что прикажете, сэр Шиллинг! – ответил тоненьким голоском отец.

– Повесим. Ты повесишь. Я слишком маленького роста. Нет. Лучше, пристрелим! Хотя нет. Порох нынче дорогой. Пришлось целых три тысячи фунтов отдать за двенадцать бочек. Даже жаль их на Скотланд-Ярд тратить.

– Может, утопим?

– Слишком лёгкая смерть. Лучше сжечь заживо. Так Лонтерн помучается немного перед смертью.

– Пощадите меня, сэр Шиллинг, – раздался слабый стон из кареты. – Не убивайте! Я никогда, никогда вас больше не побеспокою...я даже из полиции уйду...навсегда...только не убивайте...

– Заткни ему рот! – прошептал Шилли.

– Сэр Шиллинг, не надо, поща... – Лонтерн захлебнулся и замолчал. Ягр заткнул ему рот кляпом. Чуть позже над несчастным полицейским раздался тот самый грубый голос.

– Сейчас мы отвезём тебя в самое мрачное место Лондона. Потом подождём, пока придут двадцать наших товарищей...с дровами. После этого мы тебя сожжём заживо. Помолись перед мученической смертью.

Шилли с отцом вернулись домой под самое утро. Мама Жантан дала сыну подзатыльник в присутствии мужа и коротко изрекла, имея в виду полицию:

– Не связывайся с «жуками»!

После того Шилли попал в объятия сестры. Лотри глаз не сомкнула, дожидаясь брата. Она несколько раз крепко обняла и поцеловала брата, а потом с любопытством спросила:

– Что вы с ним сделали? Да, мы догадались, куда вы поедете, когда увидели, как ты разговариваешь с Лонтерном. Так что вы с ним сделали?

– Ничего. Он жив здоров. Разве что немного замёрзнет.

И это была чистая правда. В это самое время Лонтерн стоял в одних нижних подштанниках посредине Кэтрин-Стрит, взывал к милосердию, просил помощи и умолял сжалиться над ним. Шилли с отцом привязали его к уличному светильнику, надели на глаза повязку, чтобы он ничего не мог увидеть, накинули на шею медальон с серебряным шиллингом, а потом вынули изо рта кляп и уехали.

Лонтерн совсем отчаялся, когда с его глаз кто-то снял повязку, и он увидел перед собой удивлённую толпу людей.

Несколькими часами позже эта история уже была известна всему городу. Коллеги встретили Лонтерна дружным хохотом.

– Меня едва заживо не сожгли, а вам весело? – гневно кричал Лонтерн. – Я жизнью рисковал, только поэтому мне удалось узнать, что сэр Шиллинг маленького роста, у него грубый голос, и он собирается взорвать Скотланд-Ярд.

Смех не стихал ещё долгое время. И не только в полиции. Эта история уже на следующее утро появилась в газетах, и вызвала целый град насмешек в адрес блюстителей порядка.

Глава 3

Загадочное убийство

Спустя два дня, утром, на углу Мэрибон и Харли остановилась роскошная карета, запряжённая четвёркой породистых лошадей. На дверце красовался герб графов Росбери. Из кареты вышел седовласый мужчина шестидесяти пяти лет и, опираясь на трость, направился к зданию с вывеской «Нотариальный дом Вельбмана». До двери оставалось пройти всего лишь несколько шагов, когда к нему подскочил мужчина и воткнул в него нож.

– Умрут все! Слышишь, Роберт! Умрут все! – прошептал он, и сразу же скрылся за углом здания, оставив нож с рукояткой в виде головы слона с золотистым хоботом торчать в груди своей жертвы. Граф Росбери повалился на спину, потом упёрся ладонями в землю пытаясь подняться, но не смог. К нему уже бежал кучер.

– Пошлите за моей дочерью...немедленно, – успел сказать ему граф Росбери, прежде чем потерять сознание.

Несколько часов спустя, молодая женщина сорока лет с усталым лицом, на котором застыла печать страданий, в чёрном траурном платье с высоким, обтянутым вокруг шеи воротником, быстро шла по коридорам особняка Росбери, что находился в Вестминстере близ садов Мэрилебон. Элизабет Мальман, так звали женщину, спешила к своему умирающему отцу, графу Росбери.

Дверь в его опочивальню была открыта настежь. Внутри и снаружи столпились слуги. Увидев кто идёт, они начали по очереди кланяться. Не останавливаясь, Элизабет вошла в комнату отца. Пред ней предстало совершенно белое лицо отца с полужакрытыми глазами и перевязанная грудь с расплывающимся кровавым пятном. Рядом с кроватью стоял врач. Завидев Элизабет, он негромко проронил:

– Его светлость очень плох. Поговорите с ним, пока есть возможность. Он уже несколько раз звал вас.

– Звал меня? – Элизабет склонилась над умирающим отцом. – Зачем? Зачем ты меня звал? Надеешься получить прощение? Ты его не получишь. Слышишь?! Ты никогда не получишь моё прощение. Дочь может простить. Даже супруга может простить. Но мать...никогда не простит...ты умрёшь, проклинаемой собственной дочерью! Слышишь меня?! Жестокое, безжалостное чудовище! Проклинаю тебя! Всем сердцем и душой проклинаю! Слышишь?! Проклинаю! Других слов ты от меня не дождёшься. Я буду стоять здесь, и проклинать тебя, пока ты не отправишься в Ад... – закричала Элизабет, но уже через мгновение залилась слезами и начала целовать ему руки, одновременно издавая горестный шёпот:

– Отец! Отец! Умоляю вас...умоляю,...после вашей смерти у меня не останется никакой надежды её найти. Где она? Где моя дочь? Кому вы отдали моего ребёнка? Отец! Сжальтесь над несчастной матерью, – Элизабет сползла на пол и, схватившись руками за голову, исторгла из груди крик полный отчаяния: – Где моя дочь, отец?

– Элизабет... – раздался едва слышный голос графа Росбери.

Элизабет мгновенно вскочила на ноги и наклонилась над отцом. Её слуха коснулся едва различимый шёпот:

– Перед лицом смерти...клянусь,...я не убивал твоего...мужа...Джон Бирн...Ирландия...дочь...не ищи,... – дальнейшие слова не представлялось возможным различить. Как не напрягала слух Элизабет, но так и не смогла разобрать невнятные фразы, которые становились всё тише и тише, а вскоре граф Росбери и вовсе замолк.

– Отец! Отец! – кричала Элизабет ему в лицо. – Какой Джон Бирн? Где его искать в Ирландии? Это он удочерил моего ребёнка? Отец! Не молчите! Отец! Отец!

- Он больше ничего не ответит. Ваш отец умер, – тихо сообщил врач.
- Где её искать? Где? – Элизабет схватилась за голову и бросилась вон.

Элизабет прибежала в комнату, где она провела свою юность, и как в те далёкие времена упала на кровать и разрыдалась. Отец умер, лишив её последней надежды найти свою дочь.

В дверь раздался осторожный стук.

– Прочь! – закричала Элизабет.

– Я знавал Джона Бирна, ваша светлость! – раздался осторожный голос.

Элизабет даже плакать перестала. Она со всех ног бросилась открывать дверь. На пороге стоял садовник Олан.

– Ты знаешь Джона Бирна? – с глубокой надеждой всматриваясь в его лицо, спросила Элизабет.

– Знавал когда-то. Много лет назад Джон работал управляющим у его светлости! Но потом уехал. Зачем? Не знаю. Знаю только, что когда он уезжал, у него на руках был ребёнок. Своими глазами видел. Мы тогда все удивились. Ведь жены-то у Джона не было.

– Ребёнок? У него на руках был ребёнок? А куда он уехал? – закричала Элизабет.

– Знаю только, что в Ирландию. А куда именно, сказать не могу. Джон никому и слова об этом не сказал. Только и говорил, что ему пора ехать домой в Ирландию со своей дочерью...

– С моей дочерью! С моей!

– Я рассказал всё, что знал!

– И я никогда не забуду о твоей доброте.

Садовник ушёл, а Элизабет закрыла дверь и постаралась взять себя в руки. Но сделать это сразу ей не удалось. Всё тело сотрясала непрерывная дрожь. Сердце билось так сильно, что она неосознанно прижала обе руки к груди. Более двадцати лет безнадежных поисков, беспросветного ожидания и пустых надежд завершились. Сегодня она впервые узнала, что стало с дочерью. Отец отнял её и отдал своему управляющему. А тот отвёз её в Ирландию. Там она и будет искать. Даже если уйдут годы, даже если придётся перевернуть всю Ирландию, она найдёт своего ребёнка.

В дверь снова раздался стук.

– Пришли из полиции! Хотят поговорить с вашей светлостью! Ждут вас в гостиной.

– Я сейчас приду!

Элизабет вытерла платком слёзы, поправила платье и, стараясь утихомирить разбушевавшиеся чувства, отправилась на встречу.

– Кларк Могин, – представился констебль, приподнимая край шляпы. – Простите за визит в столь печальное для вас время. Графиня Росбери?!

– Элизабет Мальман!

– Прошу прощения. Я узнал, что ваш отец умер, а вы единственная дочь. Кстати сказать...приношу вам свои соболезнования.

– Благодарю вас! О чём вы хотели со мной поговорить?

– У вашей семьи есть враги?

– Если и есть, мне о них неизвестно. А почему вы спрашиваете?

– Никто просто так не убивает среди белого дня таких людей как граф Росбери. Ваш кучер и ещё два человека видели убийцу. Это мужчина приблизительно пятидесяти лет, среднего роста, с лысиной. Под правым глазом есть маленький шрам. Вам эти приметы никого не напоминают?

– Нет!

– Я слышал, у вас были совсем непростые отношения с покойным графом Росбери.

– Куда вы ведёте? И что пытаетесь сказать? – резко спросила Элизабет. – Думаете, это я подослала этого человека к отцу?

– Нет. Не думаю. Но спросить обязан. Это вы сделали?

– Нет!

– Возможно, у меня снова появятся к вам вопросы.

Констебль попрощался и ушёл. Элизабет тотчас же забыла об этом визите. Но он напомнил ей о долге дочери. Она всю жизнь ненавидела отца за то, что отнял у неё дитя, и даже сейчас, когда он уже умер, так и не смогла простить. Но достойно проводить его в последний путь она обязана. Именно этим и собиралась заняться Элизабет, когда сообщили о прибытии нотариуса.

– Не сейчас, мистер Вельбман! – Элизабет знала в лицо нотариуса отца.

– Я не задержу вас надолго! – Вельбман снял шляпу и поклонился.

Элизабет сделала нетерпеливый жест, показывая, чтобы он поторопился.

– Все бумаги готовы. Завещание тоже в порядке. Вы единственная наследница, и в ближайшее время сможете вступить во владение всей собственностью вашего отца. Кроме того, он вам оставил крупную сумму денег в количестве...

– Это всё? – оборвала его Элизабет.

– Нет. Я на самом деле пришёл по другому поводу. Ваш отец этим утром ехал ко мне, когда его ранили.

– Зачем он к вам приезжал? Хотел изменить завещание? Меня никогда не интересовали деньги, и вы это знаете.

– Знаю. Но речь о другом. Он хотел оставить для вас письмо, на случай если с ним что-то случится.

– Письмо? – Элизабет встрепелась и подошла вплотную к нотариусу. – Он оставил письмо для меня?

– Не успел. Но хотел это сделать. Ваш отец был очень обеспокоен чем-то. Он обмолвился, что у него есть враги, и говорил, что вы оба находитесь в опасности.

– А про Ирландию или...ребёнка...он ничего не говорил?

– Нет. Я счёл своим долгом предупредить вас. После того, что случилось, я бы советовал со всей серьёзностью отнестись к беспокойству вашего отца.

Элизабет задумалась так глубоко, что даже не заметила, как ушёл нотариус. Вокруг отца всё время что-то происходило. Какие-то тайны и внезапные поездки...она до сей поры не знала, как именно умерла её мать. Она тогда была ещё ребёнком, а отец ничего не рассказывал о её смерти.

Глава 4

Семья Уиллоби

В восемь часов вечера того же дня, когда был убит граф Росбери, в одном из самых больших зданий на Кинг-стрит состоялось весьма примечательное событие, именуемое балом дебютанток. Две дюжины высоких окон заливали ослепительным светом едва ли не всю улицу. Десятки карет заполнили всё пространство. Родители, попечители и родственники впервые выводили в свет юных особ в надежде заключить для них выгодный союз. Ведь подавляющее большинство браков оговаривалось на таких торжествах.

Семьи группами с одной или даже несколькими дебютантками, входили в огромный малиновый зал под бой шотландских барабанов, и приветствовали главных патронесс сегоднешнего праздника: графиню Джерси и леди Палмерстон. Далее они расходились и располагались вдоль стен, оставляя всё время проход свободным, чтобы каждый прибывший имел возможность засвидетельствовать своё почтение патронессам.

Для подобного рода торжеств предъявлялись самые строгие требования к нарядам. Для дебютанток допускалось только белое платье с открытыми плечами, предпочтение отдавалось муслину. Он был лёгок, полупрозрачен и самым наилучшим образом подчёркивал стан. Для волос позволялись лишь цветы или венки. Из драгоценностей – медальон или ожерелье из мелкого жемчуга.

Оттого отличить дебютанток от иных дам не представлялось делом сложным. Все они были одеты одинаково.

Для мужчин, вне зависимости от цели их появления, так же существовал чёткий набор требований. Им надлежало быть в бриджах, белой рубашке и фраке.

И поскольку речь самым непосредственным образом идёт о впечатлении, которая обязана произвести каждая дебютантка на противоположную часть общества, нам просто необходим мужской взгляд. С этой целью, мы обратим своё внимание на двух молодых людей. Они стояли на некотором отдалении от входа и шёпотом обсуждали каждую дебютантку. О чём же они говорили? Давайте послушаем:

– Эта ей Богу недурна!

– Недурна?! Взгляни на эти впалые щёки. Ей едва ли двадцать, а выглядит на все тридцать пять.

– А следующая?

– Напоминает дерево, которое растёт только в высоту!

– А куда оно может ещё расти? А что можно сказать об этой дебютантке?

– А что можно сказать о женщине с глупым лицом? Дура!

– Тебе ничем не угодишь.

– Почему же ничем?! Вот следующая девица мне вполне подойдёт.

– Да у неё такой цвет лица, будто она только вышла из гроба. Что у тебя за странный вкус?

– Она просто волнуется, оттого и лицо серого цвета. Ты только посмотри на этот волшебный носик. Так и хочется прижаться к нему губами.

– Волшебный носик? Ну да, вероятно она к тебе принюхивается. А как тебе та, что с пожилой леди?

– Хороша. Нет слов. Да и движения легки. Она словно порхает.

– Мне она тоже понравилась. Пожалуй, приглашу её на танец. Нет, подожди... вот ещё одна красавица, ...ещё лучше.

– И, правда, прелестна... надо узнать её имя... чёрт, после такой красавицы... эта с обвислыми щеками... надеюсь, она не станет задерживаться у входа...

– Вот повезло так повезло... сразу две красавицы, ...выглядят как розы, цветущие в нашем саду, и благоухают так, что я даже отсюда чувствую их аромат...

– Голова идёт кругом... ещё одна... выглядит чудесно, да ещё и взгляд полон нежности... жаль, что она смотрит не на меня...

– И следующая прелестна!

– Прелестна? Она мне напоминает тётку перед смертью. Худоцава и стан кривой...

– Я имел в виду ту, что с родителями.

– А... её я не заметил...

– Не стоит переживать. Здесь много красивых дебютанток. Выберешь себе любую, какую пожелаешь.

– Я уже выбрал! Ты только взгляни на эти дивные голубые глаза... какие отточенные линии лица... Афродита. Богиня любви!

– Скорее Богиня зла. Держись от неё подальше. Она весьма не сдержана на язык.

– Ты знаком с ней?

– Однажды довелось танцевать. О чём сожалею до сей поры. Это Амелия Уиллоби. Дочь барона Уиллоби. Они идут под руку. А позади них Берна и Лизи Уиллоби.

– Тоже недурны! Я не прочь приударить за всеми тремя сёстрами.

– Будь осторожен. На Лизи Уиллоби имеет виды Виктор Бэндингтон.

Оставим молодых людей и обратим внимание на семью Уиллоби. Молодые люди очень точно их описали. Действительно, барон Уиллоби лично вывел в свет младшую дочь Амелию, которой только исполнилось восемнадцать лет. Другие две дочери уже выходили в свет, и теперь пришли, чтобы поддержать сестру, хотя она в том не нуждалась. По крайней мере, они сами так говорили. Однако их слова выглядели весьма сомнительно, учитывая те взгляды украдкой, которые они бросали на двух рыжеволосых молодых людей, которые в свою очередь не сводили взгляда с них. Это были кузены Виктор и Джейсон Бэндингтон. Как только появилась возможность, а выражалась она в том, что барон Уиллоби был занят разговором с Амелией, оба одновременно подошли и пригласили Берна с Лизи на французскую кадриль, с которой и должен был начаться бал. Получив согласие, они быстро удалились, чтобы раньше времени не попадаться на глаза барону Уиллоби, который откровенно недолюбливал главу семейства Бэндингтон.

– Мы можем поехать после бала к матушке Элизабет? – спрашивала Амелия у своего отца.

– Нет. Она прислал письмо, в котором приглашает нас завтра. И просит прощения за то, что не смогла вывести тебя в свет сама.

– Крёстная потеряла отца! Как она могла приехать в такой день на бал? Это мы все должны быть сейчас рядом с ней!

– Мы поедem...

Барон Уиллоби не договорил. В этот миг к Амелии подошёл молодой человек, назвал своё имя, поклонился и пригласил на кадриль.

– Простите, я занята и не смогу оказать вам внимание! – вежливо ответила Амелия.

Молодой человек побледнел, снова поклонился и медленно пошёл прочь.

– Не смей! – прошипел барон Уиллоби. – Не смей! Веди себя так же, как все остальные девушки.

– Генри! – достаточно громко выкрикнула Амелия. Молодой человек, который недавно получил отказ, повернулся и устремил на неё удивлённый взгляд. – Генри?! Вас ведь так зовут?

Молодой человек кивнул. Амелия поманила его рукой к себе. Тот сразу же подошёл.

– Я передумала, Генри. Первый танец ваш!

Поблагодарив её, Генри отошёл, но недалеко.

– Вы сами того желали! – Амелия даже не старалась делать вид, будто не замечает возмущённый взгляд отца.

Не один барон Уиллоби был возмущён. Все кто стал свидетелем столь грубой выходки, то и дело косились в её сторону с откровенной неприязнью.

Сёстры не обратили внимания на поведение Амелии. Они лучше других знали её нрав. Вероятно, по этой причине всё время старались сохранять некоторое расстояние между собой и ею.

Тем временем, объявили французскую кадрили.

– Не смей его обижать! – успел шепнуть барон Уиллоби до того, как Генри повёл Амелию на танец. Мало ему было беспокойства за Амелию, а тут ещё заявился сын этого выскочки Бэндигтона, и повёл Лизи на танец. Второго барон Уиллоби не знал в лицо, но намеревался выяснить его имя сразу после танца.

Выстроившись в ряды, юные леди со своими кавалерами ждали начала танца. Зазвучали первые аккорды. Кавалеры отступили на шаг вправо и поклонились. Следом сделали шаг дамы, и присели в реверансах. Затем кавалеры взяли их за руки, и повели вперёд. Один ряд проходил сквозь другой, создавая неповторимое очарование.

Когда они снова взялись за руки, Генри допустил серьёзный промах. Он спросил Амелию, что она о нём думает.

– А что можно думать о человеке, который с радостью принимает унижение? Он жалок. Генри споткнулся и чуть не упал. Амелии пришлось его поддержать.

– Да ещё и на ногах не держится!

– Зачем вы сюда пришли? – успел спросить Генри, прежде чем они разошлись в разные стороны. Когда они вновь сошлись, Амелия со всей любезностью ответила на вопрос.

– Посмотреть на таких болванов как вы!

Генри остановился среди танца. А затем, не поклонившись с высоко поднятой головой, ушёл восвояси. Амелии тоже пришлось вернуться к отцу. Её встретил гневный взгляд.

– Генри почувствовал себя дурно, – Амелия изобразила некое подобие расстройства.

– Уезжай домой, пока ты всех нас здесь не опозорила. Я с твоими сёстрами возьму наёмный экипаж!

– Как скажете, батюшка, – Амелия поклонилась ему, а потом неторопливо направилась к выходу.

– Наверняка ослушается и отправится к Элизабет, – пробормотал ей вслед барон Уиллоби и тяжело вздохнул. – Господи, когда же я от неё избавлюсь?! Неужели, мне всю жизнь терпеть эти муки? Откуда взялся у неё этот характер? Если б не Элизабет, я бы не справился с Амелией.

Элизабет! Она всегда оставалась для барона Уиллоби той юной красавицей, в которую он влюбился много лет назад. А потом... потом сделал предложение. Но она выбрала другого человека. После того злополучного вечера, когда она отвергла его руку, они не встречались несколько лет. Судьба свела их лишь в день похорон Аманды, покойной баронессы Уиллоби. Он остался один, с тремя дочерьми на руках. Лизи исполнилось всего три года, Берне два. А Амелия родилась в день смерти своей матери. Это произошло ровно восемнадцать лет назад. И все эти восемнадцать лет Элизабет поддерживала его. Она относилась к его дочерям как к своим собственным, но больше всех любила Амелию. Она души не чаяла в младшей дочери и однажды призналась, что Амелия напоминает её саму в молодости. Дочери называли её не иначе как матушка Элизабет. Он сам иногда называл её по имени. Барон Уиллоби и сейчас продолжал её любить. Возможно даже больше, чем в молодости, но ни разу за эти годы так и не осмелился на откровенный разговор. Он боялся. Боялся, что она снова уйдёт и оставит его одного. И главной причиной страха являлся траур, который и по сей день соблюдала Элизабет

по своему покойному супругу. Он никогда бы не осмелился потревожить столь трогательную преданность.

Барон Уиллоби полностью погрузился в мысли, оттого и не замечал как Лизи и Виктор смотрят друг на друга. А они не только смотрели, но и разговаривали:

– Когда, Лизи? Когда? – спрашивал у неё Виктор.

– Я уже сказала. Завтра. Встретимся в кофейне, как обычно.

– Когда я смогу просить твоей руки?

– Надо ещё немного подождать, Виктор!

– Ты меня не любишь!

– Я тебя люблю, а вот мой отец действительно не любит.

– Я – то в чём виноват?! Они с моим отцом разъехаться не смогли, поэтому и разругались.

– Твой отец не уступил дорогу!

– Твой отец тоже не уступил дорогу!

– Не смей грубить, Виктор!

– А как насчёт тебя?

– Я говорю правду!

– Я тоже говорю правду!

– Нет! Ты грубишь! И если ты сейчас не извинишься, мы с тобой никогда больше не увидимся.

– Ну и прекрасно. Раз ты не способна выслушать правду, нам действительно не стоит встречаться.

Оба надулись, замолчали и до конца танца больше не заговаривали. Дела Берны с Джейсоном обстояли немногим лучше. Оба испытывали симпатию друг к другу, но так и не решились заговорить до самого конца бала.

Уезжая с дочерьми после бала, барон Уиллоби пришёл к выводу, что Амелия была права, когда говорила, что не стоило сюда вообще приезжать. Как он и предполагал, Амелии не оказалось дома.

– Что мне с ней делать, ума не приложу! – бормотал он, ворочаясь в постели. – Надо выдать её замуж. Но как? Она меня не станет слушать. Поговорю завтра с Элизабет. Она лучше меня знает, как следует поступить.

Глава 5

Театр Друри-Лейн

Тем же вечером начинался ещё один «Гамлет» в театре Друри-Лейн. Десятки, сотни мужчин и женщин сдавали свои плащи, пальто и даже шубы в гардеробную. Часть из них воспользовалась услугой бесплатной чистки обуви. Но зеркало продолжало оставаться спокойным. Шилли сосредоточенно очищал обувь. Мама Жантан и Лотри развешивали одежду в гардеробной. Джонни Мышонок в костюме шута подпрыгивал и отпускал незатейливые шуточки в адрес прибывающих зрителей, при этом он не упускал ничего из того, что происходило вокруг гардеробной. Но вот Лотри схватилась за своё правое ухо и несколько раз слегка подёрнула его. В этот самый миг мама Жантан принимала пальто у высокого джентльмена. Это был сигнал, адресованный Шилли. И Шилли его увидел. Он в это самое время очищал красные туфельки одной дамы, что ничуть не мешало наблюдать через зеркало за тем самым высоким джентльменом. Вот он развернулся и неторопливо прошёл мимо Шилли. Шилли наклонил голову. Это значило, что выбор жертвы его не устраивает.

В течение следующей четверти часа такие знаки были поданы в отношении ещё одного джентльмена. Они так же были отвергнуты Шилли.

Первый поток людей схлынул, когда к гардеробной подошёл самодовольно улыбающийся толстячок лет пятидесяти в сопровождении молодого человека. Пока он передавал своё пальто, Лотри снова схватилась за ухо. Сдав пальто, толстячок вошёл к Шилли и поставил ногу на декроттуар с видом человека, который оказывает великую честь, позволяя прикасаться к своей обуви.

– Чтоб ни одного пятнышка не осталось на моих новых туфлях доставленных из Франции, – высокомерно бросил толстячок, одновременно доставая из кармана монету в три пенса.

Шилли принял деньги, несколько раз пылко поблагодарил, а потом с показным вниманием начал рассматривать стоящую перед ним туфлю с золотистой пряжкой посередине.

– О чём я говорил? – полуобернувшись, спросил толстячок у своего спутника.

– Алоиза, – напомнил спутник.

– Алоиза! – восторженно подхватил толстячок. – Это очаровательное создание вполне способно внушить неудержимую страсть любому мужчине. Рядом с ней я чувствую себя юнцом. Она столь страстна, столь неистова в постели, столь умело выстраивает встречи... я в восторге от этой девушки... и намереваюсь оставить её только для себя.

– Мистер Догерти, а кто она по национальности?

– Говорит, итальянка, и даже произносит моё имя на итальянский лад «Джованни». Но я ей не верю. Она слишком хорошо разговаривает на английском языке. Скорее всего, она ирландка или шотландка...

Раздался протяжный звонок, предупреждающий зрителей о скором начале представления. Шилли взъерошил свои волосы несколько раз правой рукой, а потом заработал обеими руками так быстро, как только мог. Этот знак означал, что жертва уже выбрана.

Толстячок со своим спутником ушли, продолжая обсуждать ту самую Алоизу. За ними сразу же увязался Мышонок. Он танцевал и прыгал рядом с этими двумя, одновременно очень внимательно прислушиваясь ко всему, что они говорили.

Дальнейшие действия представляли собой набор отработанных шагов. Как только от гардеробной отошёл последний человек, мама Жантан отнесла чай швейцару и заняла его разговором. Одновременно, Лотри с Шилли скрылись за дверью, ведущей в закрытую часть театра. Они быстро миновали коридор и поднялись по лестнице на чердак, который был завален театральным реквизитом. В дальнем углу чердака возвышался древний массивный шкаф. Именно

к нему оба и направились. Лотри распахнула дверцы, осторожно раздвинула вешалки с мужской одеждой и, склонившись, прошла сквозь появившийся просвет. Шилли проследовал за ней. За шкафом оставалось крошечное пространство, скрытое от посторонних взглядов и представляющее собой... обычную гримёрную. Зеркало на стене, столик со всеми необходимыми, миниатюрные серебристые коробочки с составами, которые могли стать предметом зависти для любого гримёра, и старое кресло.

– Кем мы собираемся стать? – спросил Лотри, закатывая рукава своего платья.

– Лонтерн! – с некоторым озорством ответил на это Шилли.

Лотри весело рассмеялась.

– Бедняга! Он ведь столько страдал по твоей вине. Тебе его совсем не жаль?

– Жаль. Поэтому я и хочу сделать из него знаменитость. Пусть купается в лучах моей славы и помнит мою доброту. Кто знает, может у него тоже есть таланты к нашей профессии?

– Лонтерн так Лонтерн.

– Справишься?

– Самая сложная задача – найти эту дурацкую красную бабочку, в которой он всегда ходит. Если не найду, возьму чёрную и перекрашу в красный цвет.

Лотри исчезла в гардеробе, а Шилли начал быстро раздеваться. Он разделся до нижнего белья и стал крутиться в разные стороны перед зеркалом подражая актёрам.

– Для вас не лучшая встреча, сэр! – то и дело повторял он любимую фразу Лонтерна, придавая своему голосу различные интонации.

Лотри вернулась, держа в руках белую рубашку, бабочку красного цвета, светлый жилет и серый пиджак с брюками. Всё это она передала в руки Шилли, а потом снова ушла и вернулась уже с цилиндром и плащом, которые сразу же повесила на стену рядом с зеркалом.

Она помогла Шилли одеться, затем усадила в кресло и по шею обмотала простыней с множеством разноцветных мелких пятен.

Она разглядывала лицо брата лишь несколько коротких мгновений, а потом потянулась к ящичкам, которые располагались ровным рядом справа от гримёрного стола. Выбрав один из них, она поставила его перед собой и открыла. Он оказался битком набит бакенбардами различных форм и длины. Она выбрала одну пару и положила их на стол. Следом за бакенбардами появилась коробочка с усами, бровями, носами и ящик с париками. Отобрав всё необходимое на её взгляд, Лотри стала их крепить к лицу с помощью специального клея.

Прошло совсем немного времени с того момента, когда Шилли сел в кресло, но теперь это был уже другой человек. В зеркале отражался мужчина со светлой шевелюрой, курчавыми бакенбардами, которые закруглялись в нижней части подбородка, и пышными рыжими усами, закручивающимися кверху в виде полуколец у самых уголков губ. Но это всё же был молодой человек. Следовало его немного состарить, и придать чертам лица схожесть с лицом Лонтерна.

Лотри слегка подёргала наложенную растительность. Лишь убедившись в надёжности своего творения, она приступила к самому главному таинству – работе над лицом. С помощью набора специальных кисточек, штрих за штрихом, молодой человек уходил, уступая место мужчине с розоватым лицом и мелкими морщинами под глазами.

Ровно через час и эта часть работы была завершена. Как раз тогда и появился младший брат. Джонни Мышонок едва не сбежал, увидев брата.

– Вот это да! – с восхищением выдохнул Джон Мышонок, собираясь дотронуться до лица Шилли, но Лотри на него так цыкнула, что он сразу отдернул руку.

– Как там Гамлет? – спросил у него Шилли.

– Офелия узнала, что Гамлет убил её отца.

– У нас ещё полно времени, – пробормотала Лотри, оглядывая лицо Шилли со всех сторон.

– Больно уж на нашего Бейлифа похож, – с беспокойством заметил Джонни Мышонок и тем самым вызвал горделивый взгляд Лотри.

– Попробуй! – попросила она у Шилли.

Шилли встал и, направив правую руку с выставленным указательным пальцем в сторону зеркала, внушительно произнёс:

– Для вас не лучшая встреча, сэр!

У Лотри на лице появилось недовольное выражение.

– Не похоже. Мягко. Слишком. Твой голос должен звучать жёстче и немного грубовато.

Шилли понятиливо кивнул и повторил прежние слова, придавая голосу требуемые оттенки.

– Для вас не лучшая встреча, сэр!

– Хорошо, но слишком грубо. Грубость должна звучать не столь явно. Она подчёркивает фамильярность, но ни в коем случае не должна задеть собеседника. Попробуй ещё раз.

Шилли пришлось повторить несколько раз, прежде чем он заслужил благосклонный взгляд сестры.

– Из тебя мог бы получиться прекрасный актёр. Ты очень быстро и очень точно вживаешься в роль.

Джонни Мышонок начал рассказывать всё, что ему удалось подслушать. Большею частью речь шла о том, что Шилли уже слышал сам. Новостью стало лишь то, что этот самый Догерти собирался забрать Алоизу из публичного дома и поместить в отдельную квартиру втайне от своей супруги.

– Не целуй никого. У тебя губы подкрашены. Не сморкайся слишком сильно, иначе нос слетит. Не три глаза, иначе морщины исчезнут, – на прощание предупредила Лотри. Она помогла ему надеть плащ, сама поместила цилиндр на голове, и в конце перекрестила.

Спустя пять минут из маленькой двери театра со стороны Рассел-стрит вышел мужчина средних лет в плаще и цилиндре. На воротнике рубашки ярко выделялась красная бабочка. Он направился в сторону кареты, запряжённой двойкой чёрных лошадей. Карета стояла на улице, за оградой. На козлах сидел Ягр.

– Я один поеду.

Ягр без единого слова сошёл с козел, уступая место сыну.

Надвинув цилиндр глубоко на лоб, Шилли сел на место кучера и тронул лошадей. Карета медленно проехала до угла и завернула налево, на Кэтрин-Стрит. Проехав ещё немного, она остановилась. Отсюда был прекрасно виден портик с лестницей. Оставалось дожидаться появления жертвы.

Шилли всегда охватывал азарт перед каждым ограблением. Но сейчас к азарту примешивалось и заметное злорадство. У него появилась ещё одна возможность воздать заслуженное наказание неугомонному полицейскому за причиняемое им беспокойство в отношении себя и своей семьи.

Очень скоро из дверей начали появляться первые зрители. Поток людей с каждой минутой увеличивался. Шилли всё время выискивал взглядом знакомое лицо. А искал он своего младшего брата. Джонни Мышонок всегда шёл перед жертвой, показывая, где его следует искать. Так случилось и на этот раз.

Толстячок вышел из театра с тем же самым молодым человеком. Поговорил с ним немного. А потом они расстались, и он перешёл на другую сторону улицы. Карета медленно двинулась с места и неторопливо поехала за двухместным зелёным кэбом, в котором находилась будущая жертва.

Спустя два часа, миссис Догерти открыла входную дверь. На пороге стоял хорошо одетый незнакомый мужчина. Особенно в глаза бросалась красная бабочка.

– Кто вы такой и что вам нужно? – недоумённо оглядывая незваного гостя, спросила миссис Догерти.

– Добрый вечер, мэм! – Шилли приподнял край цилиндра. – Моё имя Лонтерн. Полиция Лондона. Мне необходимо безотлагательно побеседовать с мистером Догерти. Он дома?

– Да! – с возрастающим удивлением и некоторым испугом ответила миссис Догерти, а в следующую минуту повернулась и громко позвала мужа. Он явился, набивая трубку табаком. Заметив незнакомца рядом с женой, он грозно осведомился о цели визита.

– Вы – мистер Догерти? – последовал в упор вопрос.

– Да!

– Лонтерн. Полиция Лондона. Мне необходимо с вами поговорить по весьма важному вопросу.

– Полиция Лондона? – с беспокойством переспросил мистер Догерти. – Но сейчас слишком поздно...

Шилли прошёл между озадаченными супругами, вошёл в дом и внимательно огляделся по сторонам.

– Кто ещё здесь живёт?

– Наши дети...и слуга! – ответил мистер Догерти. – Позвольте, почему вы...

– Где ваш кабинет?

– Наверху...по лестнице...

– Следуйте за мной, мистер Догерти, и воздержитесь от любых слов; ваше положение и так выглядит весьма шатко в глазах правосудия.

Шилли с решительным видом вступил на лестницу и начал быстро подниматься. Мистер Догерти пожал плечами в ответ на вопросительный взгляд супруги, и тут же направился вслед за полицейским. Решительность последнего не оставляла никакой возможности для любого промедления.

На верхней площадке Шилли остановился и посторонился, предлагая хозяину дома проявить хоть маленькую толику гостеприимства. Его жест был воспринят правильно. Мистер Догерти открыл дверь кабинета, пропустил гостя, а потом вошёл сам.

– На вашем месте я бы закрыл дверь, – посоветовал Шилли.

– Пусть остаётся открытой. Мне нечего скрывать от...

– А как же Алоиза?

Мистер Догерти побледнел и сразу захлопнул дверь. После чего обратился с просьбой.

– Прошу вас, прошу, моя жена ничего не должна узнать,...я готов заплатить...десять фунтов прямо сейчас...

– Десять фунтов? – насмешливо переспросил Шилли. – Десять фунтов за убийство молодой женщины в расцвете сил?

– Убийство?! – мистер Догерти в одно мгновение стал зелёного цвета.

– Алоизу нашли сегодня на берегу Темзы с ужасными ранами на теле. Я всякое видел, но то, что вы с ней сделали...

– Это не я! Господом клянусь, это не я...

– А я вот слышал совсем иное. В том самом публичном доме, в котором вы навещали несчастную итальянку. Хотя нет, Алоиза на самом деле была ирландка. Она только выдавала себя за итальянку. Так вот, мне рассказали, что она была влюблена в некоего мистера Догерти, и так предана своей любви, что никого кроме него не принимала. А за несколько дней до своей смерти, она даже призналась, что ждёт ребёнка... Поэтому вы её убили? – сверля взглядом поникшего мистера Догерти, в упор спросил Шилли. – Вы знали, что бедняжка понесла от вас и не захотели скандала?

– Нет! Нет! Нет, я не знал, что она ждёт...

– Вас повесят, мистер Догерти. И это произойдёт уже в этом месяце!

– Я не убивал, не убивал, клянусь вам, не убивал, я не знал, вообще ничего не знал. Я даже не видел её всю последнюю неделю...

– Оставьте свои оправдания. Они выглядят слишком неубедительно. Кстати это уже не первый случай убийства молодых девушек. Вы и раньше их убивали. Не так ли?

Мистер Догерти отрицательно затряс головой.

– Полагаю, в суде у вас не будет даже малейшей надежды спасти свою жизнь.

– В суде? – мистер Догерти находился в состоянии близком к обмороку.

– Я просто обязан передать ваше дело в суд. Да, у меня есть крупные карточные долги в размере тысячи трёхсот фунтов. И это обстоятельство не может не удручать, но справедливость, прежде всего.

– Пятьсот сорок фунтов!

– Простите?

– Я дам вам пятьсот сорок фунтов прямо сейчас. Это все мои деньги. Взамен вы спасёте меня от... позора.

Шилли принял задумчивый вид, но только для вида.

– Замять дело полностью не получится, – мистер Догерти не успел снова расстроиться, как услышал вполне обнадеживающие слова, – но меня есть на примете один негодяй. Его вполне можно обвинить в убийстве Алоизы.

– Благодарю вас! От всего сердца, благодарю! – оглядываясь на дверь, тихо вскричал мистер Догерти.

– Надеюсь, вы понимаете, что мной руководит лишь долг чести, связанный с выплатой карточных долгов, – Шилли пристально наблюдал за лихорадочными действиями мистера Догерти. Тот рылся в шкафу, вытаскивая оттуда книги, одежду и даже посуду. Деньги появились в самом конце. Он передал перевязанный пакет Шилли и испытал настоящее облегчение, когда тот принял его.

– Проводите меня, – попросил Шилли.

– Конечно, конечно, мистер...

– Лонтерн. Не забудьте моё имя!

– Не забуду! – пообещал мистер Догерти.

Как и обещал, он проводил своего спасителя до кареты. Прежде чем сесть на место кучера, Шилли насмешливо бросил незадачливой жертве:

– Не забудьте передать привет Алоизе, когда в следующий раз поедете её навещать!

Карета тронулась с места. Раздался звон. К ногам мистера Догерти упала монета. Он нагнулся и поднял её, но сумел рассмотреть только дома. Это был серебряный шиллинг с двумя одинаковыми круглыми отверстиями по краям.

Глава 6

Непредвиденное знакомство

Шилли пребывал в самом прекрасном расположении духа и искренне сочувствовал Лонтерну. «Бедняга, следует выделить ему пару фунтов, как-никак помог мне неплохо заработать, – весело думал он, – хотел бы я посмотреть на его лицо, когда он обо всём узнает».

– Эй, стой!

Крик раздался неожиданно. Сразу пришла мысль о полиции. Шилли натянул вожжи и нащупал пистолет под плащом.

– Езжай назад!

Этих двух слов хватило, чтобы Шилли почти с ювелирной точностью представил образ человека, который мог позволить себе столь глупую просьбу.

– Ты глухой?

Это определённо была не полиция, а некое создание противоположного пола. Шилли начал оглядываться по сторонам, а потом приподнялся и обернулся. Позади, в полутьме, угадывались очертания перекошенной кареты. Судя по всему, у неё отлетели сразу два колеса с левой стороны. Рядом с ней двигалось нечто белое и постоянно изрыгало проклятия. Слово «извозчик» звучало наиболее часто.

Шилли только сейчас сообразил, что его приняли за извозчика, поэтому и остановили.

– Этот ещё хуже, чем остальные. Долго вас ждать? – раздался сзади раздражённый голос.

– Какого чёрта вам от меня понадобилось... ночью? – громко спросил Шилли.

– Правит кэбом, а не понимает, для чего его остановили. Я уж не упоминаю о сломанной карете, которую просто нельзя не заметить. Законченный болван!

– Вы назвали меня болваном? – Шилли не мог поверить, что к нему обращаются с таким неуважением.

– Я сказала «законченный болван», – слева от Шилли появилась молодая женщина. Светильник, подвешенный к кэбу, достаточно хорошо освещал гневное лицо. – Или мне надо подробно объяснить, зачем я вас остановила? Хорошо. Мне нужен извозчик, чтобы уехать из этого проклятого места, – закричала она.

– Если будете вести себя...

– Только не хватало слушать нравоучения от вонючего извозчика, от которого за милю несёт конским навозом!

Молодая женщина забралась в кэб, и уже оттуда крикнула:

– Мэрилебон. К Мэрилебон Гарденс. Усадьба Росбери!

Шилли никак не мог определиться, как поступить с этой наглой девицей. Ей определённо следовало преподать урок.

– Вы поедете или нет?

– Ну, если вы желаете, леди, как я могу отказаться?!

Шилли тронул карету с места, направляясь по указанному адресу. С его губ не сходила довольная улыбка. Судя по всему, ему предстояла весёлая ночь. Ведь эта девица, при всём своём дурном воображении, даже представить не могла, к кому напросилась в попутчики. И очень скоро могла расстаться с любыми ценностями, которые наверняка имелись у неё дома.

Увидев яркий свет и настезь отворённые ворота в такое позднее время, Шилли сразу догадался, что незнакомка спешила на некое печальное событие.

Сунув ему в руку шиллинг, она побежала в дом. Он же проехал немного вперёд, к деревьям, которые окутывала со всех сторон чернота, потом сошёл с козел, привязал лошадей и, прихватив несколько отмычек, отправился за очередной добычей.

Шилли перелез через железную ограду, и затаился за кустами. Отсюда отлично просматривалось пространство перед домом, и лестница с парадным входом, представляющий из себя портик с двумя колоннами по краям.

То и дело по лестнице сновали люди. Но это обстоятельство ничуть не беспокоило Шилли. Главный вход для хозяев и гостей. А для таких людей как он, существовали окна, балконы и крыши. Именно ими он и собирался воспользоваться. Предпочтительней всего казался подход с западной стороны. Даже отсюда были видны выступы на стене и балкон на уровне второго этажа. Шилли всегда поражался подобной недалёковидности хозяев. Они ведь сродни лестницы. По ним мог взобраться даже обыкновенный вор, а для такого человека как он, который всё детство и юность провёл в цирке, и часть из них, работая в труппе акробатов – эти выступы были сравнимы с обыкновенной дверью, в которую можно войти, не прикладывая никаких усилий.

Пригибаясь к земле, и ни на миг, не упуская из виду пространство перед домом, Шилли крадучись двинулся вперёд. Однако вскоре остановился. Его внимание привлекли двое мужчин, которые несли гроб. Судя по всему, обитателям этого места было не до него.

«Что ж, отлично, прекрасно», – думал Шилли, подбираясь к нужной стене. Он ухватился за первый выступ, подбросил тело наверх и зацепился за второй выступ. Спустя мгновение он уже сидел, пригнувшись, на первом выступе и оглядывался по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, он приподнялся и продолжил подниматься. Меньше чем через минуту он уже подвис у основания балкона. Ещё один бросок вверх. Шилли бесшумно перекатился через перила и замер. Но лишь на одно короткое мгновение. Поднявшись, он подошёл к глухой двери и осторожно повернул ручку. Она не поддавалась. Дверь была заперта. Тогда он сдвинулся вправо и заглянул в окно. Взгляду предстала хорошо освещённая комната с широкой кроватью, массивный шкаф, круглый стол, два диванчика и несколько кресел, а так же комод, на котором стояли три бронзовых подсвечника и шкатулка. Шкатулка и привлекла внимание Шилли. Он достал отмычку и склонился над замком. Через считанные мгновения раздался характерный щелчок. Ручка сразу поддавалась под нажимом. Дверь приоткрылась, и одновременно в уши врвался резкий женский голос:

– Сюда!

Шилли отпрянул назад и прижался спиной к стене, слева от приоткрытой двери.

– Сюда! – послышался звук шагов, после чего хлопнула дверь.

– Ваша светлость, – раздался ещё один женский голос, – мы понимаем, вы потеряли сегодня отца...

– К чёрту моего отца! – зазвенел прежний голос. – Я вообще не переживаю по поводу его смерти. У меня к вам вопросы. И вы мне на них ответите.

«Да у неё совсем нет души! Ограбить её – святое дело», – думал в эти мгновения Шилли. Ему стало любопытно. Сквозь приоткрытую дверь ничего нельзя было увидеть, поэтому он сдвинулся к окну и осторожно заглянул внутрь. Взгляду предстала женщина средних лет в чёрном платье с бледным лицом и ещё три пожилых человека: двое мужчин и одна женщина. Они стояли перед ней с опущенными головами. Судя по всему, она отчитывала слуг. Шилли отступил на прежнее место. Он надеялся, что они скоро уйдут, и он сможет осмотреться в этой комнате.

Тем временем, снова послышался голос женщины в чёрном платье.

– Где Джон Бирн? Куда он ехал в Ирландию? Где моя дочь? Вы должны знать!

– Мы ничего не знаем. Ничего, – вразнобой раздалось голоса.

– Вы должны знать. Вы всю жизнь провели рядом с моим отцом.

– Мы не знаем. Нам ничего не известно.

– Вы должны знать! – раздался крик, который тут же перешёл в мольбу. – Прошу вас, умоляю, заклинаю всем, что вам дорого, вспомните хоть что-то, чтобы помогло в поисках... вы помните тот день, когда я ушла из дома?

– Да. Да. Помним. Ваш покойный отец был очень зол.

– После того как я ушла из дома, мы жили с мужем в Ист-Энде, возле башни Гамлета. Вы слышали об этом?

– Да, – снова раздалась прежние голоса. – Супруг вашей светлости приезжал сюда. Ваш покойный отец граф Росбери тоже упоминал об этом.

– Хорошо. Очень хорошо. Самый важный и самый несчастный день в моей жизни. Постарайтесь хотя бы что-то вспомнить. Двадцать два года назад девятнадцатого апреля я родила своё дитя. Отец отнял у меня новорождённую дочь и отдал её Джону Бирн. Там ещё была повитуха... такая худая женщина с красным лицом, у неё ещё оспинки были... она принимала роды. А потом Джон Бирн приезжал сюда с моим ребёнком. И уже отсюда уехал с ней в Ирландию...

Возникла короткая пауза, после чего снова раздался голос женщины:

– Любое, даже самое незначительное воспоминание мне поможет... пожалуйста...

– Ваша светлость уже не раз нас спрашивала о тех событиях...

– Я не знала, что Джон Бирн увёз мою дочь в Ирландию. Ну же... вы должны хоть что-то вспомнить... может он говорил, куда поедет и рассказывал о своём доме?

– Нет! Нет! Нет! Мы бы рассказали... но он никому ничего не сказал, когда уезжал... разве можно скрывать от матери дитя?

– Уходите...

До Шилли донёлся звук шагов. Он не вытерпел и снова заглянул в окно. Женщина в чёрном платье стояла спиной к нему. Потом неожиданно упала на колени и закричала:

– Будь ты проклят, отец! Почему? Почему ты мне ничего не рассказал? Где моя дочь? Где я буду её искать? Где? Мне жизни не хватит её найти... – следом донёлся плач.

Дверь неожиданно распахнулась, и в комнате появилась та самая девушка, которую он подвозил. Шилли быстро отпрянул от окна, но крик её он не мог не услышать.

– Матушка Элизабет! Крёстная!

Шилли снова подошёл к окну, и увидел, как молодая девушка обнимала женщину.

– Амелия! Дитя моё... не придавай значения моим слезам... я просто расстроена смертью отца. У тебя праздник... впервые вышла в свет...

– Крёстная, какой праздник? Разве я могу радоваться, когда ты так печалишься? Пойдём, пойдём, я приготовлю тебе чай, ...мы поговорим, и тебе станет легче. Пойдём...

Эта самая Амелия обняла женщину и вывела её из комнаты. Шилли прикрыл дверь. Потом вытянулся над перилами и заглянул вниз. Никого поблизости не оказалось. Одним движением он перебросил тело вперёд и через мгновение мягко приземлился на траве. Оглянувшись по сторонам, он побежал к изгороди.

Спустя несколько минут, он уже гнал лошадей по дороге домой. В ушах так и звенел голос, полный горя и отчаяния: «Где моя дочь, отец?».

Ему никогда не было дела до чужих страданий, но переживания этой женщины его задели. Очень сильно задели. И если кто-то ей мог помочь, то это был именно он.

Дома никто не спал. Все волновались. Ждали его. Шилли коротко обо всём рассказал, передал маме Жантан добытые пятьсот сорок фунтов, а потом отвёл отца в кузницу.

– Дай знать всем нашим ребятам в Ист-Энде. Нужно найти повитуху, которая двадцать два года назад принимала роды где-то рядом с башней Гамлета. Награда двадцать фунтов.

– Стоящее дело? – спросил заинтригованный Ягр.

– Да. Пусть из-под земли достанут её, или семью этой повитухи.

В шесть часов следующего утра на третьем этаже уже известного нам дома раздался громкий стук. Протирая сонные глаза, Лонтерн отворил дверь и с удивлением узрел толстяка в сопровождении двух констеблей.

– Это он! – завопил мистер Догерти. Он бросился вперёд, вцепился двумя руками в горло Лонтерна и что было мочи, закричал: – Верни мои деньги, мерзавец!

Глава 7

Крёстная

В тот же день, в полдень, состоялись похороны графа Росбери. Прощание было коротким. Священник прочитал молитву, а друзья и родственники сказали подобающие печальному событию слова. Многие обратили внимание, что дочь покойного не пролила ни единой слезинки. Она была молчалива и не сводила взгляда с гроба. Но и только.

После похорон все вернулись в особняк Росбери, чтобы почтить память покойного за столом. Поскольку новоиспечённая графиня Росбери отчётливо показывала своё равнодушие к происходящему, никто не стал задерживаться. Уже к семи часам вечера рядом с Элизабет осталось только семейство Уиллоби.

Амелия с самого своего приезда не отходила от крёстной. Она всячески пыталась её приободрить и поддержать в столь тяжкие для неё дни. Если она и была удивлена равнодушием крёстной к столь печальным событиям, то никак этого не показывала.

Даже сейчас, когда отец с сёстрами Берной и Лизой расположился на роскошном диване, обитым светлым бархатом, Амелия, распустив своё платье, сидела прямо на ковре рядом с креслом крёстной.

– Вы хорошо себя чувствуете, Элизабет? – спросил было барон Уиллоби, но тут же расхохотался. Правда, он быстро захлопнул рот, и принёс извинения. Четвёртые за этот день. – Простите! – раскаянно пробормотал он. – У вас...такое горе...

– Батюшка, вы целый день слишком веселы, – с подозрением заметила Амелия, – настолько веселы, что даже похороны графа Росбери вас не смогли успокоить.

– Прошу прощения! Ничего не могу с собой сделать! – барон Уиллоби развёл руками. – Как прочёл статью в утренней газете, так остановиться не могу.

– Сэр Шиллинг?! – спросила у него Элизабет. Она прекрасно знала, с каким восхищением относится к этому вору барон Уиллоби.

– Вы удивительно проницательны, Элизабет.

– Что же он натворил на это раз? – поинтересовалась она, но лишь из желания оказать внимание своему собеседнику.

– Выкрал из собственного дома полицейского по фамилии Лонтерн, которому было поручено его арестовать. Потом раздел и привязал к столбу на Кэтрин-Стрит. Полицейский всполошил всю улицу своими криками. Он умолял его не сжигать. А когда его освободили, заявил, что сэр Шиллинг собирается взорвать Скотланд-Ярд с помощью двенадцати бочек с порохом. Дело дошло до того, что он остановил повозку гружённую бочками с вином, и даже прострелил одну из них. В результате чего насмерть перепугал извозчика и причинил немалый ущерб его хозяину. Когда начальника полиции спросили, что он обо всём этом думает, тот ответил, что у него в полиции и без Лонтерна хватает болванов.

Элизабет нашла в себе силы улыбнуться, когда слушала рассказ барона Уиллоби. Берна и Лизи тихонько смеялись. Амелия же выглядела хмурой, и высказалась по поводу этого вора, как только появилась возможность:

– Жалкий прохвост, возмнивший себя великой личностью. Он только и способен обманывать таких законченных болванов как этот Лонтерн. Ничтожество и трус. Вот кто этот сэр Шиллинг. Попадись он мне в руки, его ничто бы не спасло.

– Не вздумай повторять эти слова в публичных местах! – предостерег барон Уиллоби. – Если они до него дойдут, тебе и всем нам не поздоровится.

– У него духу не хватит покушаться на людей, которые обладают хотя бы относительно небольшим количеством ума.

– Не стоит недооценивать этого преступника, – нравоучительно заметила Элизабет. – Он уже два года водит всех за нос. Этот человек определённо обладает всеми теми качествами, которых следует опасаться.

– Боюсь, меня его таланты не смогли впечатлить, – отозвалась Амелия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.